ныхъ служить другимъ. Я увидѣлъ, что всякое употребленіе денегъ: покупка ли чего, передача ихъ задаромъ другому, есть подача ко взысканію векселя на бѣдныхъ или передача его другому для подачи ко взысканію на бѣдныхъ же. И потому мнѣ стала ясна та нелѣпость, которую я хотѣлъ дѣлать—помогать бѣднымъ посредствомъ взысканія съ бѣдныхъ. Я увидалъ, что деньги сами по себѣ не только не добро, но очевидное зло» [19]).

Толстой рѣзко нападаетъ и на раздѣленіе труда того типа, которое господствуетъ въ современномъ обществѣ [20]). Стоитъ только, говоритъ онъ, относиться къ человѣческому обществу, какъ предмету наблюденія, и можно утѣшать себя мыслью, что моя дѣятельность, какова бы она ни была, необходима въ организмѣ человѣчества. А послѣ такого признанія уже нѣтъ надобности задаваться вопросомъ, справедливъ ли порядокъ, при которомъ я пользуюсь трудами другихъ и дѣлаю только то, что мнѣ пріятно. Эта теорія привлекательна: она позволяетъ человѣку не прислушиваться къ голосу совѣсти, жить животною жизнью и чувствовать подъ собой твердую опору, одобряемую наукой. Приходится сказать, слѣдуя наукѣ, что люди не отвѣтственны за общественныя бѣдствія и что долженъ быть именно тотъ порядокъ, въ которомъ мы живемъ.

Намъ говорятъ, что, разъ есть ткачи, необходимо и раздѣленіе труда. Это было бы вѣрно, если бы населенія ткачей создавались сами собою; но, вѣдь, мы дѣлаемъ ихъ. Первоначально люди кормятся земледѣліемъ. Но, вотъ, одинъ изъ нихъ устроилъ кузнечный горнъ и починилъ свой плугъ. Его сосѣди просятъ починить плуги и за починку обѣщаютъ работу или деньги. Таково происхожденіе кузнеца. Другой хорошо выучилъ своихъ дѣтей; къ нему приводятъ дѣтей сосѣди, просятъ учить, и онъ становится учителемъ. Кузнецъ и учитель остаются при этихъ занятіяхъ только до тѣхъ поръ, пока ихъ просятъ. Если бы оказалось, что ихъ работа не нужна, то они немедленно бросили бы свое ремесло и снова взялись бы за земледѣліе. Такое раздѣленіе труда правильно. Но если кузнецы имѣютъ возможность принудить другихъ людей работать на себя и продолжаютъ дѣлать подковы, которыхъ не нужно, а учителя учатъ, когда некого учить, то является уже не раздѣленіе, а захватъ чужого труда. Люди дѣлаютъ то, на что другіе и не думаютъ заявлять притязаній, и требуютъ, чтобы ихъ кормили за это.

Раздѣленіе труда существовало всегда; но оно правильно